

УДК 821.161

DOI: 10.24411/1999-5407-2020-10109

**ФЁДОР АБРАМОВ – ЛИТЕРАТУРОВЕД И КРИТИК:
«ЧЕМУ Я ПОКЛОНЯЮСЬ? ЧТО Я ИСПОВЕДАЮ?»****Н. С. Цветова***Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

В статье анализируется смысловая структура и отчасти речевая форма статьи Ф. Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе», опубликованной в 1954 году в журнале «Новый мир». Автор считает, что статья эта занимает особое место не только в творческой биографии Абрамова-литературоведа и литературного критика, но и в истории русской литературы второй половины XX века. Это место выявляется при сопоставлении абрамовской публикации с работами его современников В. Померанцева и А. Синявского. В. Померанцев – автор новой концепции литературной критики. А. Синявский, как и Ф. Абрамов, попытался выявить перспективы литературного развития, но связывал эти перспективы, в отличие от традиционалиста-Абрамова, с эволюцией модернистской эстетики. Для доказательства своей концепции автор статьи привлекает разнообразный историко-литературный материал.

Ключевые слова: литературная критика, литературоведение, послевоенная проза, традиционализм, модернизм.

Актуальность темы. Литературное наследие Федора Абрамова вызывает исследовательский интерес на протяжении нескольких десятилетий. Ключевые идеи абрамоведения были представлены в антологии, созданной Л. В. Крутиковой к 90-летию писателя, включавшей уже ставшие хрестоматийными статьи И. Виноградова, Л. Мельницкой, Е. Никифорова, Б. Панкина, Ш. Галимова, И. Дедкова, И. Золотусского, В. Васильева, А. Рудалева, А. Рубашкина, Г. Цветова и др. [7]. В этом достаточно обширном и разнообразном собрании практически отсутствовало упоминание об Абрамове-литературном критике и литературоведе. Прошло десять лет. Нельзя сказать, что ситуация изменилась принципиально, но стал проявляться интерес к статье Ф. Абрамова, посвященной феноменологическим качествам лидеров литературного процесса XX столетия – Шолохова и Солженицына («Шолохов и Солженицын – «Нева», 2010. № 4). Все чаще исследователи говорят о том, что серьезный разговор о творческой индивидуальности Абрамова как художника-аналитика невозможен без учета его научных штудий, предварявших художественные открытия [12]. Наконец, сегодня нет ни одного серьезного учебника по курсу «История русской литературы второй половины XX века», в котором бы не упоминалась ставшая хрестоматийной статья «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе», опубликованная «Новым миром» в 1954 году. Все эти обстоятельства актуализируют в научном дискурсе литературно-критические и литературоведческие работы писателя, который был выпускником аспирантуры кафедры советской литературы ЛГУ, несколько лет этой кафедрой после защиты диссертации вполне успешно руководил.

Постановка проблемы. Назревшая необходимость новой всесторонней оценки литературно-критических и литературоведческих работ Ф. Абрамова требует включения в объект исследования значительного объема литературно-критического и литературоведческого материала, начиная с текста кандидатской диссертации «О «Поднятой целине» М. А. Шолохова» и подготовленного им шолоховского семинария до уже названного незавершенного исследования о Шолохове и Солженицыне,

опубликованного десять лет назад Л. В. Крутиковой. Но мы ограничиваем нашу задачу исследованием смысловой структуры и отчасти речевой формы статьи «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» (Новый мир, 1954, № 4), с одной стороны, под влиянием вполне определенной ограниченности жанра научной статьи, с другой - уникальных характеристик именно этой публикации Ф. Абрамова.

Для обновления научной интерпретации абрамовского текста используется традиционная для современной филологии комплексная методика, созданная в русле исторического, типологического, сравнительно-сопоставительного подходов с привлечением приемов целостного и функционально-стилистического анализа текста.

Цель – установление историко-литературного статуса статьи Ф. Абрамова, вызвавшей самый серьезный резонанс в момент ее публикации.

Анализ материала. Сверхзадачу, программный характер заинтересовавшей нас работы сам Ф. Абрамов много лет спустя определил так: «Я не скрываю. Я – за анализ, за мысль, за исследование. И в этом плане, мне думается, работа писателя мало чем отличается от работы ученого <...>. Думаю, не обойтись писателю и без некоторых изысканий литературоведческого порядка. Скажем, знание опыта своих предшественников. Ну, разве мыслимо было мне, например, браться за «Две зимы и три лета», не разобравшись в том большом и сложном хозяйстве, которое называется послевоенной прозой? Нельзя же в самом деле писать по принципу: а вот дай-ка я еще покажу, как было это в моей деревне!» (Сюжет и жизнь, 1971) [3. С. 338].

Все сказано четко и ясно. Для Ф. Абрамова это крайне необходимый этап работы, предполагающий поиск ответа на главные вопросы: «Чему я поклоняюсь? Что я исповедую? Какая моя вера?» [7. С. 7]. Но почему за эту статью ухватились «новомировцы»? Судя по трудностям, которые преодолевались Ф. Абрамовым в процессе подготовки статьи к публикации, предполагавшие резонанс, оценившие уникальность предложенных только набиравшим силу литературоведом оценок и прогнозов, кстати сказать, далеко не единственных? К 1954 году не было уважаемой газеты или журнала, который не предложил бы публике аналогичные по генеральной интенции литературно-критические тексты [4]. Обычно историки литературы называют в ряду таких работ публикации Л. Тимофеева (статья «О положительном герое советской литературы» – Новый мир, № 1), Б. Рюрикова (статья «О некоторых вопросах социалистического реализма» – Новый мир, № 4), М. Щеглова («Русский лес» Леонида Леонова» – Новый мир, 1954, № 5). Судя по дневникам Ф. Абрамова и Л. В. Крутиковой, сам он читал и поддерживал М. Лифшица (статья «Дневники Мариэтты Шагинян» – Новый мир, 1954, № 2) и В. Померанцева, идеи которых ему были чрезвычайно близки.

Но эффект, который вызвала новомировская публикация малоизвестного до этого момента ленинградского критика и литературоведа, превзошел все ожидания. На молодого кандидата филологических наук, свежееиспеченного заведующего кафедрой советской литературы, кстати, рекомендованного на эту должность Б. А. Лариным, обрушилась неожиданная и немислимая по масштабам известность. 25 октября 1954 года Абрамов писал Л. В. Крутиковой: «Кто-то шутливо сказал мне: ты сейчас третий по популярности: Черкасов, Борисов, Абрамов». Чуть раньше в дневнике появилась такая заметка: «В Союзе писателей, как передает Мика (М. Каган, однокурсник Ф. Абрамова, в будущем известный петербургский культуролог – Н. Ц.), кто-то сказал, что это новое слово в критике» [8. С. 116].

Наверное, в этих констатациях главное – горькая самоирония. Дело в том, что статью Ф. Абрамова только кулуарно высоко оценивали многие, но открыто поддерживать не решались. Массовая публичная реакция литературного, филологического и университетского сообщества была иной. Л.В. Крутикова насчитала за первый год 12 разгромных откликов в разных газетах, которые публиковались от корпоративного

«Ленинградского университета» до «Правды» и в четырех ведущих журналах «Октябрь», «Знамя», «Звезда», «Коммунист». Причем, содержание антиабрамовской кампании не исчерпывалось очень серьезными для того времени обвинениями «в антипатриотизме, в нигилизме, в огульном охаивании советской литературы» [8. С. 114]. Звучали обвинения еще более абсурдные, как, например, в опубликованной 24 июня 1954 года в «Литературной газете» статье Н. Лесючевского, назвавшего позицию Ф. Абрамова и его единомышленников «антиреалистической» (Н. Лесючевский. За чистоту марксистско-ленинских принципов в литературе).

Менее чем за год Абрамов прошел все инстанции общественно-политического чистилища: обсуждение на партгруппе (июнь), на собрании партийной организации московских литераторов, на пленуме Ленинградского обкома (август), на заседании Президиума правления Союза писателей (октябрь). Упомянулась статья даже в решении ЦК партии, на заседание которого были приглашены А. Т. Твардовский, В. Дементьев, К. Симонов, А. Сурков. Массовость, интенсивность давления, как в о кампании против Михаила Зощенко и Анны Ахматовой в 1946 году. Не применялась, пожалуй, единственная форма проработки – обсуждение, или, точнее, осуждение публикации Ф. Абрамова в рабочих коллективах. Как удовлетворенно констатировал, подводя промежуточный итог череды проработочных мероприятий, старший коллега Абрамова Е. Наумов: «Абрамову всыпали» [8. С. 119].

А сам Ф. Абрамов уже в мае после первых ругательных откликов в «Литературной газете» и «Правде» резюмирует: «Моя карьера критика кончилась» [8. С. 119]. В июне на заседании партгруппы под давлением кафедралов заверяет присутствующих в осознании ошибочности статьи. На пленуме обкома 27–28 августа «полностью признал чудовищные обвинения, которые высказаны в резолюции» [8. С. 131]. Покаяние это в соотнесенности с известными особенностями личности Ф. Абрамова является, в первую очередь, показателем масштабности давления. При этом психологическим давлением проработчики не ограничились. Оргвыводы были сделаны не только в отношении редколлегии «Нового мира». Так, например, на филологическом факультете ЛГУ планировалось назначить Ф. Абрамова ученым секретарем, что в новых условиях стало невозможно.

Почему близкие в проблемно-тематическом отношении публикации М. Лифшица и В. Померанцева не имели таких последствий? Ведь и в абрамовской статье, как сказал бы Н. К. Гей, нет «крупночестных сетей научных абстракций и квалификаций» [5. С. 56]. Никому не придет в голову утверждать, в абрамовской публикации были сделаны научные открытия масштаба, например, бахтинской идеи о существовании «памяти жанра» или концепции «литературы как резонантного пространства» В. Н. Топорова. Более того, в лексико-грамматической форме абрамовского текста достаточно легко обнаруживаются эпохальные признаки – знаки речевой стереотипности, которые практически всегда сигнализируют о стереотипности мышления. При желании упрекнуть Ф. Абрамова в этом недостатке достаточно легко выуживаются из текста упоминания о «политике партии», о «современном этапе коммунистического строительства», «последних решениях партии и правительства», «крутой подъем всех отраслей сельского хозяйства» и пр.

Но не это главное. Видимо, было в смысловой структуре и стилистике статьи что-то такое, что не позволяет вычеркнуть ее не только из творческой биографии самого Федора Абрамова, но и из истории русской литературы второй половины XX века.

Первое, о чем следует сказать, это методологическое обновление исследований, посвященных современной литературной ситуации, проявившееся в совмещении двух методологических подходов: констатирующего и объясняющего. Констатирующая часть, прежде всего, связана с презентацией «производственной прозы», объясняющая – с оценочными характеристиками «колхозного романа». Причем, Абрамов демонстрирует

в этом тексте возможность совмещения всех актуальных для второй половины XX века стратегий существования в культурном пространстве: содействие, конфронтация, противостояние [6]. Стратегия содействия определяет в огромной степени сильные текстовые позиции. Особенно это очевидно в журнальном варианте, который открывался следующим высказыванием: «Главная задача, которая стоит перед советским народом на современном этапе коммунистического строительства, была определена октябрьским Пленумом ЦК КПСС. Она заключается в том, чтобы в течение 2-3 лет, опираясь на могучий рост промышленности, добиться крутого подъема всех отраслей сельского хозяйства...», далее речь о Постановлении Пленума ЦК КПСС с обязательным цитированием и т. п. [2. С. 210–232]. В книжной публикации этот редакционный пассаж будет снят. Определенная готовность к компромиссу по отношению к господствующему в литературной критике оценочному подходу к историко-литературным фактам и событиям будет продемонстрирована более ограниченно. Ф. Абрамов начнет с перечисления произведений, которыми «советская литература по праву гордится, произведений, помогающих нашим людям жить, работать и побеждать» [1. С. 300]. В перечислительный ряд включает широко известные в то время имена сталинских лауреатов: С. Бабаевского, Г. Николаеву, Г. Медынского, Е. Мальцева.

Далее молодой критик, объясняя свою позицию, демонстрируя установку на использование стратегии содействия, набрасывает некий общий сюжет «сталинско-премиальных» колхозных романов и повестей, предваряя конфронтационные установки, которые пока уводит в подтекст, смягчая признанием несомненного права перечисленных повестей и романов на существование, т. к. сюжет их «подсказан самой жизнью» [1. С. 302]. И дает достаточно убедительное социологическое по сути обоснование своей уступки. Говорит о том, что «после войны борьба за развитие колхозов происходила в особых условиях» [1. С. 302], и эти условия перечисляет: нехватка рабочих и руководящих квалифицированных кадров, снижение качества обработки земли и, как следствие, урожайности.

Почти так же осторожен Ф. Абрамов и в констатирующей части, завершающей обзор отмеченных им «серьезных недостатков нескольких литературных произведений»: «Несомненно, многие из этих недостатков уже не повторятся в новых повестях и романах и принадлежат прошлому. Но просто предоставить времени ликвидацию прежних заблуждений было бы неправильно. Ошибки формулировались резко, повторялись настойчиво; надо с такой же определенностью разьяснить их вред» [1. С. 325].

И далее в ключевой части сюжета намеченная конфронтация разворачивается в полное противостояние, спровоцировавшее непримиримость оппонентов: «К сожалению, жизнь послевоенной колхозной деревни в ряде случаев изображалась в художественной литературе односторонне и в приукрашенном виде» [1. С. 303].

Противостояние по отношению к господствующим литературно-критическим настроениям и установкам осуществлялось на нескольких уровнях и в русле ленинградской филологической школы. Ф. Абрамов демонстрировал характерную именно для литературоведов-ленинградцев установку на гегелевскую форму отрицания «с удержанием положительного». Отрицание это касалось, прежде всего, понимания проблемы типического в литературе, структуры положительного персонажа, а уже потом эстетики художественной речи, принципов литературной критики. И осуществлялось оно в русле ленинградской литературоведческой школы, тогдашние корифеи которой – популярные и уважаемые во второй половине 1940-х на филфаке ЛГУ Г. А. Гуковский и В. М. Жирмунский, Г. А. Бялый обосновывали «важность внеэстетических составляющих литературного произведения» [10. С. 216], необходимость изучения связей между литературой и обществом, «порождающих сильные гражданские и нравственные переживания» (так писал В. М. Маркович о работах учителей Ф. Абрамова –

[10. С. 225]). Ведь не случайно «неистовый», неудержимый в стремлении к правде А. Рубашкин спустя десятилетия признавался, что от малосимпатичного ему, «всегда мрачного», «непременного члена факультетского партбюро» Абрамова так и не дождался «резких выпадов» в деле против «космополитов». «В партбюро остались недовольны!» [11. С.191].

Но при внимательном чтении абрамовского текста становится ясно, что для историков литературы чрезвычайно интересна финальная часть статьи – манифестирующая «цели, достойные советского писателя». Это та самая часть, которая не подвергалась переработке и полностью соответствует смыслу и стилистике более поздних устных и письменных выступлений Ф. Абрамова. По сути, пытаясь обозначить эти цели, в последнем абзаце статьи Абрамов-критик набрасывает очертания новой парадигмы литературного развития:

- принцип правдивости, предполагающий «прямоту и нелицеприятность» художественного высказывания, которые обеспечиваются подлинным знанием жизненного материала;

- отрицание «вычурности», «безвкусицы», «надуманности», требование высокой художественности, точности литературного образа, которые смогут обеспечить «проникновение в глубинные процессы жизни»;

- актуальность, предполагающая «постановку насущных вопросов строительства нового общества»;

- антропологичность и психологизм - «изображение подлинной духовной жизни советских людей» [1. С. 332]. Выведенная Ф. Абрамовым программа уничтожает определяющие смысловую структуру и поэтику «бесконфликтных» сочинений неразличение реального и реалистического, склонность к патетике, заставляет размышлять об «истинном содержании» реалистической типизации [1. С. 308], настаивает на необходимости отказа от «прекраснодушных вымыслов» [1. С. 312], которые проявляются в «облегченном» и «поверхностном» изображении «положительных героев», как правило, лишенных «всякой противоречивости и внутреннего развития» [1. С. 314].

Оригинальные идеи, мысли, концепции, как правило, получают соответствующую речевую форму. Статья Ф. Абрамова – еще одно доказательство этой аксиомы: Абрамову-критику удастся преодолеть стилевую монотонность, характерную для публицистики 1950-х. Статья бесспорно выигрывала в сравнении с поучительно-констатирующими высказываниями достаточно популярных тогда в Ленинграде В. Кетлинской, А. Караваевой и др. уже признанных критиков, и даже по сравнению со стилистикой кандидатской диссертации самого Ф. Абрамова. Во-первых, очевидно интонационное преимущество, обеспеченное ориентацией на принципы публичной коммуникации, разработанные классической риторикой, в первую очередь, особой формой рассуждения, предполагающей использование такого средства убеждения как аргумент «от противного». Абрамов несколько раз прибегает к формулам, которые в те десятилетия не так часто использовались в публичной коммуникации: «спору нет» [1. С. 308], «быть может, нам возразят» [1. С. 313], «конечно, ... и все же» [1. С. 314], «посудите сами» [1. С. 316], «разумеется, и такой конфликт имеет право на существование...» [1. С. 312], «пусть не подумает читатель, что мы возражаем...» [1. С. 322] – бесчисленное количество раз использует риторические вопросы и вопросно-ответные конструкции... И по содержанию, и по форме его статья – неожиданное в контексте только что завершившегося десятилетия приглашение к размышлению над поставленными вопросами.

Наконец, феноменальность статьи Абрамова, ее историко-литературное значение с наибольшей очевидностью проявляется при сравнении ее с контекстуальными публикациями, к которым, с нашей точки зрения, следует отнести уже упоминавшуюся статью В. Померанцева, с другой – текст А. Синявского «Что такое социалистический

реализм?», увидевший свет три года спустя. Общность всех этих работ очевидна – они порождены кризисом концепции соцреализма, который проявился и в художественной практике, и в «защитительных» литературоведческих сочинениях, и в беспомощности многих литературно-критических высказываний. Ф. Абрамов, вслед за В. Померанцевым, в суждениях о литературной критике только уточняет, проясняет некоторые позиции. Манифестирующие собственно «литературные» фрагменты есть только в работах Ф. Абрамова и А. Синявского. И именно эти фрагменты обнажают глубинное противостояние авторов двух принципиально противоположных концепций литературного развития.

Если суммировать все обозначенные Ф. Абрамовым теоретические установки, то станет ясно, что, по сути, он настаивает на необходимости восстановления связей с русской литературной традицией. А. Синявский, напротив, говорит о неизбежности ориентации на модернистские концепции литературного развития. Вероятность совмещения двух филологических оптик стала проявлением тех уникальных возможностей литературного развития, которые были возникли и, как показывает, наш материал были научно отрефлексированы еще в 1950-е годы в очень серьезном и глубоко литературно-критическом и литературоведческом диалоге.

Выводы. Итак, смысловая структура, стилистика, фоновые события и публикации позволяют говорить об особом историко-литературном статусе статьи Ф. Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе», ставшей уникальным проявлением «теоретического ренессанса» 1950-х, о котором при подведении итогов XX века писал П. А. Николаев [9. С. 4-10].

Причем, видимо, сам Абрамов прекрасно осознавал уровень и характер затрагиваемых проблем, не случайно, завершая преамбулу, он писал: «читатель не найдет в наших заметках полной характеристики послевоенной литературы о колхозной деревне. В них нет всесторонней критической оценки... Но те отдельные вопросы, которые мы постараемся разобрать, представляются нам важными» [1. С. 301].

Разбирая эти «важные» вопросы, Ф. Абрамов в невероятно сложной социально-культурной ситуации предложил исключительную по глубине и точности оценку таких значительных для литературного процесса второй половины двадцатого века явлений как «теория бесконфликтности», «производственная проза», «колхозный роман»; дал максимально объективный, системный анализ переломной эпохи, предвдврявшей вхождение в «большую литературу» «деревенщиков».

Кроме того, для исследователей творческого наследия Ф. Абрамова, для тех, кто занимается литературной персонологией, принципиально важно то, что содержание и форма анализируемого текста обусловлены и аналитическим складом ума автора, и его профессиональной подготовкой, и эпохальными запросами.

Наконец, возвращение в историко-литературный дискурс статьи Ф. Абрамова неизбежно, т. к. обусловлено связью транслируемых Абрамовым идей, как минимум, с двумя проблемными полями современного литературоведения: с проблемой реалистической типизации, тенденциозности реалистического искусства. Сегодня чрезвычайно важна продемонстрированная открыто и последовательно убежденность Ф. Абрамова в убийственной силе любой тенденциозности, которая искореняется или оправдывается только глубинным постижением реальности, действительных, насущных проблем. Не менее актуальна уверенность Абрамова в необходимости системных научных представлений и аналитических подходов к явлениям жизни и литературы.

Все это позволяет утверждать, что, если мы намерены сохранить жизненно необходимое чувство собственной истории, истории литературы советского периода в том числе, то у нас нет возможности игнорировать существование Ф. Абрамова – литературного критика и литературоведа.

Список литературы

1. Абрамов, Ф. Люди колхозной деревни в послевоенной прозе. Литературные заметки // Абрамов Ф. Чем живем-кормимся. Очерки. Статьи. Воспоминания. Литературные портреты, Заметки. Размышления. Беседы, Интервью. Выступления. Л.: Советский писатель, 1986. С. 300–332.
2. Абрамов, Ф. Люди колхозной деревни в послевоенной прозе. Литературные заметки // Новый мир. 1954. № 4. С. 210–232.
3. Абрамов, Ф. Сюжет и жизнь // Абрамов Ф. Чем живем-кормимся. Очерки. Статьи. Воспоминания. Литературные портреты, Заметки. Размышления. Беседы, Интервью. Выступления. Л.: Советский писатель, 1986. С. 333–340.
4. Баевский, В. С. История русской литературы XX века. – М.: Языки русской культуры. М., 1999. 408 с.
5. Гей, Н. К. Наука о литературе в XX в. // Теоретико-литературные итоги XX века. Литературное произведение и художественный процесс. М.: Наука, 2003. С. 56–57.
6. Головин, Ю. А. Российские литературно-художественные журналы в системе культурной политики: содействие, конфронтация, противостояние. Диссертация доктора культурологии. М., 2010. 327 с.
7. Живут книги... . К 90-летию Федора Абрамова / сост. Л. В. Крутикова-Абрамова, Н. С. Цветова. СПб: филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
8. Крутикова-Абрамова, Л. В. В поисках истины. Воспоминания размышления о прожитой жизни. СПб: ООО ИПЦ «Площадь Искусств», 2015. 312 с.
9. Николаев, П. А. Итоги развития отечественного литературоведения // Литературоведение на пороге XXI века. Материалы Международной научной конференции. МГУ, май 1997. М.: Рандеву-АМ, 1998. 504 с. С. 4–10.
10. Маркович, В. М. Мифы и биографии. Из истории критики и литературоведения в России. СПб: филологический факультет, 2007. С. 225.
11. Рубашкин, А. Еще о Федоре Абрамове: взгляд из XXI века // Живут книги... К 90-летию Федора Абрамова / сост. Л. В. Крутикова-Абрамова, Н. С. Цветова. СПб: филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 189–198.
12. Цветова, Н. С. М. А. Шолохов в восприятии Ф. Абрамова: парадоксы и закономерности // М. В. Ломоносов и полиязыковое информационно-образовательное пространство. Часть 2. Материалы международной научно-практической конференции. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2012. С. 187–200.

FYODOR ABRAMOV – LITERARY CRITIC AND CRITIC: “WHAT DO I WORSHIP? WHAT DO I CONFESS?”

N. S. Tsvetova

Saint Petersburg state University, Saint-Petersburg, cvetova@mail.ru

The article analyzes the semantic structure and partly the speech form of F. Abramov's article «People of the collective farm village in post-war prose», published in 1954 in the «New world» magazine. The author believes that this article occupies a special place not only in the creative biography of Abramov, a literary critic and literary critic, but also in the history of Russian literature in the second half of the twentieth century. This place is revealed when comparing Abramov's publication with the works of his contemporaries V. Pomerantsev and A. Sinyavsky. V. Pomerantsev is the author of a new concept of literary criticism. A. Sinyavsky, like F. Abramov, tried to identify the prospects of literary development, but linked these prospects,

in contrast to the traditionalist-Abramov, with the evolution of modernist aesthetics. To prove his concept, the author of the article draws.

Key words: literary criticism, literary criticism, post-war prose, traditionalism, modernism.

References

1. Abramov, F. (1986). Lyudi kolhoznoy derevni v poslevoennoy proze. Literaturnye zametki [People of the collective farm village in post-war prose. Literary notes], in: *Abramov F. Chem zhivem-kormimsya. Ocherki. Stati. Vospominaniya. Literaturnye portretyi, Zametki. Razmyishleniya. Besedy, Intervyu. Vyistupleniya* [Abramov F. What we live, we feed. Essays. Articles. Memories. Literary portraits, Notes. Reflections Conversations, Interviews. Performances], L., Sovetskiy pisatel, pp. 300–332. (In Russ.).
2. Abramov, F. (1954). Lyudi kolhoznoy derevni v poslevoennoy proze. Literaturnye zametki [People of the collective farm village in post-war prose. Literary notes], in: *Novyy mir* [New World], no. 4, pp. 210–232. (In Russ.).
3. Abramov, F. (1986). Syuzhet i zhizn [The plot and life], in: *Abramov F. Chem zhivem-kormimsya. Ocherki. Stati. Vospominaniya. Literaturnye portretyi, Zametki. Razmyishleniya. Besedy, Intervyu. Vyistupleniya* [Abramov F. What we live, we feed. Essays. Articles. Memories. Literary portraits, Notes. Reflections Conversations, Interviews. Performances], L., Sovetskiy pisatel, pp. 333–340. (In Russ.).
4. Baevskiy, V. S. (1999). *Istoriya russkoy literatury XX veka* [History of Russian literature of the twentieth century], M., Yazyki russkoy kulturyi, 408 p. (In Russ.).
5. Gey, N. K. (2003). Nauka o literature v XX v. [The science of literature in the twentieth century], in: *Teoretiko-literaturnye itogi XX veka. Literaturnoe proizvedenie i hudozhestvennyy protsess* [Theoretical and literary results of the twentieth century. Literary work and art process], M., Nauka, pp. 56–57. (In Russ.).
6. Golovin, Yu. A. (2010). *Rossiyskie literaturno-hudozhestvennyye zhurnaly v sisteme kulturnoy politiki: sodeystvie, konfrontatsiya, protivostoyanie. Dissertatsiya doktora kulturologii* [Russian literary and art magazines in the system of cultural policy: assistance, confrontation, confrontation. The dissertation of a doctor of culturology], M., 327 p. (In Russ.).
7. *Zhivut knigi... K 90-letiyu Fedora Abramova* (2011) [Books live To the 90th anniversary of Fedor Abramov], SPb, filologicheskiy fakultet SPbGU, 256 p. (In Russ.).
8. Krutikova-Abramova, L. V. (2015). *V poiskah istiny. Vospominaniya razmyishleniya o prozhitoy zhizni* [In search of truth. Memoirs of reflection on a life lived], SPb, OOO IPTs «Ploschad Iskusstv», 312 p. (In Russ.).
9. Nikolaev, P. A. (1998). Itogi razvitiya otechestvennogo literaturovedeniya [Results of the development of domestic literary criticism], in: *Literaturovedenie na poroge XXI veka. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Literary criticism on the threshold of the 21st century. Materials of the International Scientific Conference], MGU, may 1997, M.: Randevu-AM, 504 p., pp. 4–10. (In Russ.).
10. Markovich, V. M. (2007). *Mify i biografii. Iz istorii kritiki i literaturovedeniya v Rossii* [Myths and biographies. From the history of criticism and literary criticism in Russia], SPb, filologicheskiy fakultet, p. 225. (In Russ.).
11. Rubashkin, A. (2011). Esche o Fedore Abramove: vzglyad iz XXI veka [More about Fedor Abramov: a look from the 21st century], in: *Zhivut knigi... K 90-letiyu Fedora Abramova* [Books live To the 90th anniversary of Fedor Abramov], SPb, filologicheskiy fakultet SPbGU, pp. 189–198. (In Russ.).
12. Tsvetova, N. S. (2012). M. A. Sholohov v vospriyatii F. Abramova: paradoksy i zakonomernosti [M. A. Sholokhov in the perception of F. Abramov: paradoxes and patterns],

in: *M. V. Lomonosov i poliyazyikovoe informatsionno-obrazovatelnoe prostranstvo. Chast 2. Materialyi mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [M. V. Lomonosov and the multilingual information and educational space. Part 2. Materials of the international scientific-practical conference], Arhangelsk, IPTs SAFU, pp. 187–200. (In Russ.).

Цветова Наталья Сергеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры медиалингвистики института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет.
cvetova@mail.ru